

Виктор Слипенчук
**УБИВАЮТ НЕ БЕДСТВИЯ,
А УНИЖЕНИЕ**
ИНТЕРВЬЮ - ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ

УБИВАЮТ НЕ БЕДСТВИЯ, А УНИЖЕНИЕ

– Виктор Трифионович, главный герой поэмы «Зигзаг» – юный романтик – попадает на планету Нибиру, населённую монстрами, и подвергается испытаниям из-за любви к девушке своей мечты. Что общего между вами и главным героем? Вы тоже в душе романтик?

– Каждый из нас в какое-то время был романтиком. Существует такое понятие – романтический возраст. Английский писатель Алан Милн, более всего известный у нас в стране как автор книжки о Винни-Пухе, даже написал пьесу с идентичным названием. Конечно, романтический возраст свойственен юности, но мы, родившиеся в Сибири и на Дальнем Востоке, местах всесоюзных ударных комсомольскихстроек, избегали быть романтиками. К нам приезжали по вербовке так называемые романтики, для освоения Сибири и Дальнего Востока. Они получали надбавки к зарплате, всевозможные льготы, а мы, родившиеся там, ничего не получали. И насмотревшись романтизма вербованных романтиков, виртуозно играющих краплёными картами и чифирящих прямо на своём рабочем месте, многие из нас стали скептиками. В том числе и я, родившийся в Черниговке, находящейся в 200 км от Владивостока.

Разумеется, были и истинные романтики, которые ехали в Сибирь и на Дальний Восток «за туманом и за запахом тайги». Тем не менее они ехали не за свой счёт, а предварительно получали подъёмные. Только не надо думать, что я кому-то с опозданием предъявляю претензии. Нет. Я хочу сказать, что сибиряки и дальневосточники, родившиеся, если следовать логике известной песни, *в тумане и среди запахов тайги*, уже тогда имели свой взгляд на жизнь.

Мы не убегали со строек. Куда бежать, ты здесь родился, живёшь! Напротив, мы всегда искренне радовались ажиотажу в СМИ, как правило, сопровождавшему крупное строительство. Как-никак, а таким способом обустроивалась наша малая родина. До сих пор помнятся стихи о строительстве Братской ГЭС. «Марчук играет на гитаре, / И море Братское поёт».

Море всегда что-нибудь поёт. А мы, сибиряки и дальневосточники, надышавшись тумана и запахов тайги, пели: «Ах, романтика, романтика, / Ах ты, Братская ГЭС! / Была девочка с бантиком. / А приехала без!» Мы не отрицали романтику, мы сами во многом являлись её производной, но мы не были романтиками. Мы смотрели на окружающий нас мир с чувством тонкой иронии, но и надежды. Именно это и роднит меня с главным героем поэмы «Зигзаг».

– **Вы посвятили эту поэму внукам. Почему?**

– Вопрос, несмотря на кажущуюся простоту, весьма сложный. Мой сын Миша и дочь Наташа, когда были маленькими, всегда говорили: «Папа, напиши что-нибудь для нас. Гала (жена), верившая в мой талант безоговорочно, поддерживала их: «Напиши им!» И я пытался, но всякий раз у меня не получалось. Фраза, что для детей надо писать так же, как и для взрослых, только немножко лучше, почему-то в зародыше смирала мой пыл, не давала развернуться. Одно дело, когда кто-то где-то говорит о твоей несостоятельности, и со-

всем другое, когда об этом могут заговорить родные тебе люди – жена, дети. Именно тогда сказал, чтобы дети никогда не читали мои произведения. Своё решение мотивировал тем, что произведения произведениями, а я прежде всего отец для своих детей.

Никогда не видел более грустного лица Галы. Именно тогда понял, что она меня полюбила прежде всего как поэта. И тому были причины. Студенты носили меня на руках. В многотиражке Омского сельхозинститута «Кировец» (мы учились на разных факультетах, но в одно время) печатали всё, что я приносил в редакцию. Вот образец моей поэзии тех лет:

Я не в духе, совсем не в духе,
А луна ещё корчит рожи,
Размахнулся бы, дал ей в ухо,
Только это вряд ли поможет.

В общем, не афишируя своих поползновений, несколько раз брался за написание поэмы. И однажды настолько преуспел, что, несмотря на запрет, прочёл жене в присутствии детей. Хотел доказать, что она не зря поверила в меня. Дети слушали, скажем так, взхлёб – запретный плод.

Начало поэмы оказалось впечатляющим, жена повеселела, и я, посчитав своё дело сделанным, больше не прикасался к поэме.

Тем не менее сын Миша уже в наши дни заинтересовался – где поэма? «Какая поэма?!» Я сделал вид, что не понимаю, о чём речь. Но Гала сразу поняла. Она хорошо знала историю Куприна, писавшего повесть «Поединок» и условившегося с женой, что на очередную встречу с ней он будет приносить новую главу. Однажды Александр Куприн, чтобы встретиться с женой, пошёл на подлог, предъявил ей старую главу, так как новой не было.

Помню взгляд Галы. Нет, не разочарования – просьбу: «Ну что же ты – признайся?!» Я не признался, стал утверждать, что ни-

какой поэмы никогда не было. И тогда сын стал читать на память:

Шёл состав из Сочи в Горький –
Я лежал на верхней полке:
Молодой, в расцвете сил,
О неведомом грустил.

Я грустил о дальних далях,
О девчонках, о медалях,
О неведомой земле
И чудесном корабле.

На котором даже ночью
Я увидел бы *воочью*
Всё, о чём я здесь грустил,
Всё, что в жизни упустил.

Тут позволил я немножко
Засмотреться на окошко.
Ведь за ним, не зная сна,
Молча гонится луна.

Вот досталась ей работа –
Отставать на поворотах,
Чтобы снова через лес
Мчаться нам наперерез.

Мне ли глупость не понять,
Не люблю я догонять.
Ждать тем более противно,

Я привык оперативно:

Раз – и в дамках, и – привет:

Наши есть, а ваших нет.

Мне бы жить не на Земле,

Мне лететь бы в корабле:

Остров – Ява, остров – Крит

(Вундеркинд во мне зарыт)...

Во времена моей молодости была модной песня «Эти глаза напротив». Так вот эти глаза напротив так требовательно посмотрели на меня, что я сказал: «Как-нибудь возьмусь за поэму и обязательно закончу. Тут же предложил назвать её «Путешествие в Пустое место» в честь первой Мишиной публикации в многотиражке МГУ. Гала обрадовалась, и я взялся за поэму. Целый месяц сидел над ней. Зачитывал Мише строфы по телефону. Он смеялся. Гала тоже посмеивалась над моими литературными героями, но получилась сказка для взрослых. Министр культуры А.А. Авдеев и статс-секретарь – заместитель министра Е.Э. Чуковская прислали свои поздравления в мой адрес. Словом, на какое-то время все успокоились.

Нежданно-негаданно как-то собрались за общим столом вместе с внуками, и Миша вдруг стал читать на память продолжение моей незаконченной так называемой поэмы для детей.

...Завернулся в одеяло –

Эхма – жизнь! Мне скучно стало.

А скучать я не люблю –

Лучше я с часок посплю.

Только что подбил постель,

Проводник ломится в дверь .

И шумит, как проводник, –
Безбилетник к вам проник!

Я подумал – вот так штука,
Дай-ка, двери отопру-ка.
Что-то ёкнуло в груди.
Слышу шёпот – не ходи!

Я, конечно, с полки – скок.
Кто-то больно – прямо в бок,
А потом ещё под дых...
Ы-ых!

И опять разговор... «И эти глаза напротив...» И вновь получилась поэма совершенно другого толка – «Тринадцатый подвиг Геракла».

Виктор Петрович Астафьев как-то, делаясь нюансами своего творчества, сказал, что из некоторых неудавшихся повестей «вытащил» довольно удачные рассказы. В этом смысле мне горевать было нечего, и всё же, как и в первый раз, поэма «Тринадцатый подвиг Геракла» получилась хотя и злободневной, но, увы, не для детей.

И я взялся в третий раз. Сыграло уязвлённое самолюбие, если действительно писать для детей надо так же, как и для взрослых, только чуть-чуть лучше, то попытаюсь (попытка – не пытка). Некоторые прежние двустихия использовал больше для видимости, что взялся за прежнюю поэму, но конечно же сочинял её заново. И сразу ориентировался на внуков, которые к этому времени достаточно хорошо подросли. Ване должно было стукнуть пятнадцать лет, Грише – четырнадцать, Марфе (по-нашему Маруше) – десять лет.

У каждого поэта бывают удачи. Всем известно, что, написав трагедию «Борис Годунов», Пушкин воскликнул: «Ай да Пушкин, ай

да сукин сын!» Подобную скрытую радость испытал и я, написав «Путешествие в Пустое место».

Чувство удовлетворения испытал, и когда закончил «Тринадцатый подвиг Геракла». После «Зигзага» никаких особых чувств не было. Закончил – ну и ладно. Отложил поэму, не сразу даже жене прочёл, предполагал, что огорчится. К моему удивлению, Гала не огорчилась. Сказала, что поэму надо прочесть внукам и даже была уверена, что поэма им понравится.

Поэма понравилась. Ваня встал и, как взрослый, пожал мне руку: «Дед, очень хорошая поэма, но только для тех, кто поймёт её», он (Ваня) понял всё на сто процентов. Гриша сказал, что понял на девяносто и на девяносто поэма понравилась. Маруша заметила, что ей было бы легче сказать, что она ничего не поняла. Но кое-что она поняла, и там, где поняла, поэма очень хорошая, ей (Маруше) сильно понравилась.

Вмешалась Гала, на правах бабушки заявила, что если я как автор посвящу поэму внукам, то она как редактор сделает всё, чтобы поэма вышла отдельной книжкой.

Полтора месяца жизни не хватило Галине Михайловне Слипечук (в девичестве Г.М. Южаниной), чтобы подержать книгу «Зигзаг» в руках. Хорошо помню, что некоторые страницы макета книги Галочка читала с улыбкой, а на странице «Посвящается внукам» всегда задерживалась, и лицо её озарялось трепетным светом нежности.

– **Что послужило стимулом для написания первого романа? И в дальнейшем стать писателем?**

– Я был принят в Союз писателей СССР в 1982 году. В 1983 был зачислен на двухгодичные Высшие литературные курсы (ВЛК) при Литературном институте, а по их окончании получил направление в Новгород, для усиления Новгородской писательской организации. То есть к моменту, когда взялся за роман «Зинзивер», а взялся за него в 1998 году с точки зрения, скажем так, писательской среды, я был вполне состоявшимся писателем. В «Справочнике Союза писателей СССР» за 1986 год сообщается, что я – поэт и прозаик. Тем не менее первая книга стихов вышла у меня только в 2006 году. Согласитесь, сообщение выглядит если не странным, то необычным. Поэтических книг у меня не было.

Дело в том, что в советское время писательская среда состояла не только из так называемых *неприкасаемых писателей*, обласканных властью. Их доля участия в повседневной жизни была превалирующей, но не всеобъемлющей. Во все времена в любой профессии были, есть и будут честные люди, патриоты своей страны. Они не всегда в первых рядах с властью, но именно они решают во времени – кто есть кто? Потому что иногда создаётся такая атмосфера в обществе (не без помощи той же власти), что творческому человеку просто нечем дышать. Именно такая атмосфера была в начале 90-х и вообще в 90-х годах прошлого века. Неслучайно эти годы называют лихими. Для некоторых воспользовавшихся ельцинско-чубайсовской приватизацией это слово вбирало в себя лихость (проворность, хваткость, смелость и т.д.), так сказать, было производным от лихачества, которое старая интеллигенция воспринимала как ухарство, как презрение к существующим советским законам (других тогда не было). Но ухари составляли небольшую часть общества и вошли в наше сознание как «новые русские». Для большинства людей, в том числе и большинства интеллигенции, корень слова *лихо* не имел никакой связи с лихачеством. Корень *лихо* воспринимался однозначно – зло, беда, несчастье. *Живи тихо, не буди лихо*.

Разбудили. Помню всеобщее запустение тех лет, грязь и неразбериху во всём. У меня участились приступы астмы. Стал задумываться, не дай бог, хватит приступ, и всё – при такой жизни ничего нельзя было исключать. А у нас с Галой, моей женой, Миша (сын) только что демобилизовался из армии, поступил в аспирантуру МГУ. Дочь (Наташа) – студентка четвёртого курса сельхозакадемии (Тимирязевки). Кто им будет помогать? Никого нет, все родственники в Сибири и на Дальнем Востоке.

Решил – не буду писать, а деньги, которые загодя оставляли на моё *писательство*, истрачу на что-нибудь материальное. Решение принял весьма болезненное – с детства мечтал стать писателем. Кроме того, на меня возлагал довольно серьёзные надежды руководитель семинара прозы на ВЛК Э.И. Сафонов. В прошлом руководитель Рязанской писательской организации, членом которой в его бытность был сам А.И. Солженицын.

Эрнст Иванович помог мне издать книгу «День возвращения» в издательстве «Советский писатель», тогда лучшем в стране. Подарил свою книгу повестей и рассказов (избранное) с прекрасной надписью, а я, получив деньги за «День возвращения» (довольно приличные по тем временам), пустил их все на строительство дачи в Крыму, за посёлком Черноморское. Главным было в моём выборе – оставить детям и внукам хоть что-то материальное.

Мои действия в среде писателей, особенно связанных с газетой «Литературная Россия», были истолкованы не в мою пользу, но объясняться ни с кем не имело смысла. Раз бросил писать – говорить не о чем.

Занялся строительством дачи. Отгонял мысли о *писательстве*, как отгоняют доуку. Времени не хватало. Но все трудности стройки были понятными, и оттого жизнь казалась лёгкой и безоблачной. Не жизнь, а песня: «Веселей, рабочий класс, – атас!»

И вот однажды захожу в свой кабинет – портрет Эрнеста Хемингуэя в свитере на полке стеллажа, а внизу, на другом ряду, – роман «Мартин Иден» Джека Лондона. И раньше они попадались на глаза, но не реагировал, а тут – словно кто-то свинцовой рукой сдавил сердце и какая-то горячая-горячая капля

медленно-медленно, обжигая внутренности, опустилась в живот. И всё – прежняя лёгкая жизнь закончилась.

Поначалу даже не понимал, что пишу роман. Всё хотел побыстрее закончить свою неожиданную «писанину» и вернуться к своей любимейшей жизни *не писателя*. Но постепенно история молодого поэта, его любви на фоне последней русской революции, захватила меня. В общем, не знаю, что послужило стимулом для написания первого романа. В данной ситуации скорее был стимул не писать.

– Вы как-то сказали: «Моё время – это время полёта Гагарина и героических лозунгов». А сегодняшний день как бы вы охарактеризовали? Время каких книг? Труднее или легче сейчас писать, чем в советское время?

– По-моему, в Новогодней проповеди Его Святейшество Патриарх Кирилл привлёк внимание к тому, что сейчас сглаживается различие между добром и злом. Да, это так. В романе «Зинзивер» главный герой рассуждает, что зло, возможно, придуманное Богом, как вкусовая добавка, чтобы усилить вкус добра, превращается в самодовлеющую единицу, оспаривающую суть и место добра. То значение денег, которое мы наблюдаем в сегодняшнем мироустройстве, – губительно. Всё можно купить и продать. Главное – хорошая цена, и никто не устоит. Добро, не подкреплённое деньгами, словно бы уже и не добро. А коллаборационизм, проще говоря, предательство, подкреплённое деньгами, вроде бы уже и не предательство – нормальный бизнес.

Это неправильно. Есть человеческие качества, которые при любом об-

щественном строе не подлежат пересмотру: совесть, любовь к матери, детям, семье, женщине... стремление к истине, верности, порядочности... Мы все знаем необходимые для жизни качества, но умалчиваем о них, забывая, что умолчание – один из способов лжи. То есть работаем в пользу зла. Вы спрашиваете – время каких книг? Вы в самом деле не знаете?!

Сейчас в моде женская проза. Например, «50 оттенков серого». Уже вышел в прокат фильм по этой книге. Проза в моём понимании не может быть женской или мужской. Проза может быть хорошей или плохой. Женская проза – это, грубо говоря, сопля. Можно, конечно, устанавливать оттенки... но это уже прерогатива медиков.

«Труднее или легче сейчас писать, чем в советское время?»

Какую *трудность* и *лёгкость* имеете в виду? Если чисто внешнюю, то писать стало много легче. Машинописная клавиатура компьютера соединена с монитором, с Интернетом. Скоро мы позабудем вообще о клавиатуре – в нашу жизнь войдут роботы. Что касается государственной идеологии – она только-только стала появляться после крымского референдума о присоединении Крыма к России.

Скажу так – лично для меня ничего не изменилось. Что при советской власти, что сейчас истинный литературный труд как был, так и остался *сладкой каторгой*. В «Разговоре с фининспектором» Маяковский весьма точно заметил: «*Всё меньше любитя, всё меньше дерзается, и лоб мой время с разбега крушит. / Приходит страшнейшая из амортизаций – амортизация сердца и души...*» И если вы хотите точно передать характер литературного героя, вы непременно столкнётесь с необходимостью пропускать его жизнь через себя. Вот откуда – *амортизация сердца и души*. Вот откуда понимание литературного труда как *сладкой каторги*. Для меня и по мне – ничего не изменилось в литературном труде и, полагаю, никогда не изменится. Фининспекторы приходят и уходят, а поэты остаются.

– **Что такое синергетический реализм, о котором вы часто говорите?**

– Прежде всего, надо понять – что такое **синергетика**? Это слово происходит от греческого **син** – «совместно» и **эргос** – «действие».

Первыми на совместное действие (синергетическое) тех или иных препаратов обратили внимание медики. Они заметили, что два, три, четыре лекарства, употребляемые вместе, дают лечебный эффект выше, чем каждое из лекарств, употребляемое в отдельности.

А теперь представьте, что все эти лекарства суть таланты, которыми наделён тот или иной автор. Он – поэт, прозаик, публицист. Или – поэт, музыкант, исполнитель. Кстати, от перемены мест слагаемых сумма в данном случае существенно меняется. То есть поэт, музыкант, исполнитель – это один автор. А если возьмём в обратном порядке: исполнитель, музыкант, поэт, то перед нами предстанет уже другой автор. Кто выше? Кто ниже? Ответа на подобный вопрос не существует. Главное в синергетике – оптимизм, позитивное воздействие на читателя, слушателя, зрителя.

В зависимости от того, кому адресуется произведение: читателю, слушателю или зрителю, – на первый план выходит автор с определёнными талантами. Владимир Высоцкий сочинял стихи, музыку, был непревзойдённым исполнителем своих песен, но он ещё был прекрасным артистом, а в налаживании контакта с аудиторией это являлось зачастую первоочередным. От доверительности контакта во многом, если не во всём, зависело, да и ныне зависит приятие или неприятие произведения.

Сейчас очень хорошее время. В том смысле, что в настоящем значении слова *писателем* быть невыгодно. Сейчас в настоящие писатели (скажем так) идут люди по призванию. Потому что читателей мало, книги не раскупаются. Настоящий писатель бедствует.

Александр Сергеевич Пушкин – гениальный поэт, прозаик и драматург. Считается, что его трагедия «Борис Годунов» стала окончательным водоразделом между его романтизмом и реализмом. Создаётся впечатление, что романтизм Пушкина в литературном отношении слабее его реалистических вещей. Вряд ли?! Прочтите его «Руслана и Людмилу» – прекрасная вещь. Каждый писатель – сам по себе и романтик, и реалист, и фантаст и так далее и так далее. Всё устоявшееся (как показывает жизнь) приходит в конце концов к упадку и разрушению. Когда-то по этому поводу я очень переживал и печалился. А печалился потому, что воспринимал разрушение как хаос, как нечто ужасное.

И вдруг в 1983 году к нам на ВЛК приходит со спецкурсом «Психология творчества» профессор Борис Тихонович Малышев. Его лекции о ДСМС (диалектической самодвижущей материальной системе) перевернули меня. Понимание ДСМС разъяснило мне – почему «камень тоже думает». Помнится, 8 Марта 1983 года мы отпраздновали выпуском стенгазеты, там были строки «Не ходите девки в лес – / Там живёт ДСМС». Профессор подошёл, усмехнулся и сказал: «Ничего вы не поняли. Из курса моих лекций следует: приходите девки в лес – / Там живёт ДСМС!» Его система содержала в своей основе оптимизм. Этот оптимизм несколько в другом ракурсе видится при синергетическом восприятии мира, и мне стали неинтересны обручи литературных методов: сентиментализма, романтизма, реализма, критического реализма, социалистического и прочих, с помощью которых литературоведы прессуют произведения в бочки долгого хранения, словно соленья. Любое художественное произведение, даже самое сверхгениальное, если оно в единственном числе, не может произвести длительного резонанса в обществе. Резонирует с обществом поток литературы. Разумеется, именно этим объясняются *бочки долгого хранения*, и всё же...

А теперь к главному – несмотря на свою твёрдость, линейные системы недолговечны. Но в соприкосновении с хаосом, разрушаясь, они дают ростки новому. Благодаря этому линейная система не разрушается полностью, а самоорганизуется возле ростков в более сложные соцветия и продолжает жить уже в более сложном качестве. Именно отсюда идёт понимание, что слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твёрдое, тихое – громкое, короткое уравнивает длинное, в общем, как это утверждали даосисты.

Сущность синергетического реализма в том, что он не только не боится хаоса, а посредством резонансного влияния, которым обладают синергетические произведения, усиливает и генерирует ростки нового, сокращает время и усилия для превращения хаоса в великие сады будущего, в сады жизни для всех людей.

– Вы – единственный из россиян, кто был избран академиком Международного университета имени Чингис-Хана, – почему именно эта тема? Что послужило «Отправной точкой и источником вдохновения»?

– Этот вопрос в том или ином виде задают очень часто. Вот буквально на днях он был задан корреспондентом журнала «Элита общества». Я сказал, что ответ легко найти на моём сайте: достаточно кликнуть по баннеру non/fiction – ответы Виктора Слипенчука на вопросы читателей. Там в очерке «Русский огонёк и ноосфера» в разделе «Ветры с Востока» опубликован ответ. Кстати, в этом же очерке есть моё суждение и о том, как находятся темы. Так что повторяться не буду, тем более что данный текст выставлен на сайте и найти его не составит труда.

– **Обратила внимание, что в ваших книгах: и в «Чингис-Хане, и в «Тринадцатом подвиге Геракла», и в сборнике стихов «Свет времени», и в новом «Зигзаге» иллюстрации выполнены на очень высоком уровне. Это везение или строгий отбор?**

– Я мог бы сказать, что всего понемногу – и везение, и строгий отбор. И это было бы правдой, потому что сборник стихов художник А.Н. Дерябкин не оформлял. В своё время он подарил мне *досóчки* с рисунками, а я их использовал для оформления своей первой и единственной книги стихов «Свет времени». То же самое произошло и с оформлением книги «Светлое воскресенье». Да, всего понемногу – было бы правдой, но не всей.

Начну с того, что в 1989 году в Новгороде я решил выпустить газету «Вече» и искал художников для газеты. Новгородчанин Сергей Иванов (поэт, член Союза писателей России), прекрасно играющий на гармошке и к тому же великолепный художник (в Италии за портрет Пушкина углём получил серебряную медаль) – словом, обладатель множества талантов, в моём понимании – синергетик, решил познакомить меня с реставратором храмов, живописцем Анатолием Дерябкиным.

Когда мы пришли к Анатолию, он включил духовную музыку, которая заполонила всё пространство квартиры. Она отзывалась в прекрасных копиях мадонн: Джоконды Леонардо да Винчи, Рафаэля и других. Она помогала погружаться в гармонию красок. Но моё внимание привлёк маленький натюрморт, висевший над письменным столом. На деревянной тарелке лежали крупные узловатые груши. Красная, синяя и тёмно-зелёная. Цвет каждого плода в отдельности был в какой-то свирепой дисгармонии, плоды словно бы старались *перекричать* друг друга. И в то же время вся эта дисгармония подчинялась какой-то неуловимой внутренней гармонии, заставляющей признавать за этими ужасными грушами их законное место на дере-

вянной тарелке. Чем дольше смотрел на натюрморт, тем меньше обращал внимание на крикливость красок и тем больше бросалась в глаза их незамутнённая свежесть.

Конечно, художники наблюдали за мной. Расставляли стаканы, закуску, переглядывались. Читатель, наверное, уже догадался, что мы с Сергеем пришли в гости с бутылкой водки. Есть действия как бы первого плана, а на самом деле производные. Так и здесь, крикливая дисгармония красок была не главной, она подчинялась связующей сути – структуре. За счёт формы плодов, их неправильной узловатости, являлась нам более глубокая гармония, запечатлённая в натюрморте. Я воспринял её как росток будущего. Впоследствии мы стали с А. Дерябкиным друзьями, вместе работали в газете «Вече».

Так получалось, что своей жизнью, в которой на первом месте всегда была литература и служение ей, я притягивал к себе творчески одарённых людей и, естественно, сам к ним притягивался. Постоянный поиск себе подобных, по-моему, это не требует объяснений. А случай (точнее, Господь Бог) через то или иное произведение всегда способствует встрече духовно близких людей.

Это касается всех художников. И Петра Кириллова (ещё в армии создавшего линогравюры к поэме «Чингис-Хан»). И Сергея Иванова (написавшего мои портреты, о которых кто-то сказал, что с годами я всё больше и больше буду походить на них). И самобытного структурного художника Анатолия Дерябкина. И признанного живописца Михаила Тихонова. И конечно же, талантливейшего художника Алексея Дурасова, иллюстрации которого просто очаровывают своим волшебством.

Да-да, творческое притяжение характерно для всех художников, участвовавших в оформлении моих книг. И не только художников. Книга – коллективный труд. Убеждён, что уже в ближайшем бу-

душем книги из домашней библиотеки вернут престижность своим хозяевам. Они, как иконы, будут снабжаться дорогими окладами и драгоценными камнями. Потому что книга – это не техническое, а синергетическое прошедшее через века духовное достояние нашей культуры.

– Судя по поэме «Зигзаг», вам близко по духу современное юное поколение. Что вас роднит с ними и что – отдаляет? Что вы бы хотели сказать им? Чему научить? От чего предостеречь?

– Мне близко современное юное поколение не только по «Зигзагу», но и роману «Зинзивер», и по «Смеющемуся пупсику», написанному в 1970 году. Кстати, по сей день получаю письма с просьбой написать продолжение повести. И всё же сегодня мне близко современное юное поколение не только по произведениям, которые адресовал им, а потому ещё, что у меня есть внуки: и юные, и подростки, и очень маленькие. Родственность – это существенный аргумент в пользу близости, но и близость по духу имеет большое значение, причём зачастую первостепенное. Она своего рода золотой запас понимания в любом возрасте. Потому что наша душа менее изменчива, чем любые самые твёрдые, самые линейные материальные субстанции.

В молодости я достаточно много, пусть косвенно, думал о духовности. Да и как было не думать, если вы погружены в «Критику

чистого разума» Иммануила Канта, объясняющего вам вопросы трансцендентности пространства и времени. Если вы в восторге от Артура Шопенгауэра, утверждающего, что человек как личность формируется до пяти лет.

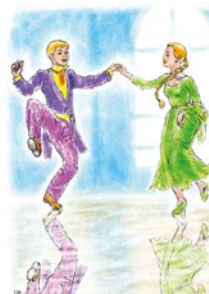
В дневнике «За мысом Поворотным» мой главный герой говорит, что если бы мы могли протестировать (среднего) древнего грека трёхтысячелетней давности и такого же среднего из нас, то вполне вероятно, что древний грек вышел бы победителем в данном тестировании. Почему? Да потому что человек, его характер практически не меняются. В основе человеческих поступков хорошо известные нам мотивы. Любовь, справедливость, ненависть, алчность и так далее и так далее. Меняется эпоха, а с эпохой – мотивы. Что-то выходит на первый план, что-то на второй, что-то затушёвывается, а что-то остаётся за кулисами. (Кстати, «мотивацию» как термин ввёл Шопенгауэр.) Это так – к слову.

Из исторических источников известно, что в Древней Греции приветствовалась умеренность в потреблении. Некоторых знаменитых людей того времени в назидание другим гражданам изгоняли из города за обжорство. Мы живём в век перепотребления. Рекламируются всякие фастфуды (так называемая *быстрая и здоровая* еда). В Древней Греции были устои и принципы. Жестоко наказуемым было предательство. А сейчас коллаборационизм всё больше приобретает вид бизнеса, беспринципность трактуется как разновидность толерантности.

В общем, родство по духу – это очень серьёзное родство. И если оно есть в моих произведениях, то мне нечего опасаться. Ничто не может отдалить меня от молодёжи. Во всяком случае, осваивая ту или иную профессию, мне, так же как и им, приходилось начинать с нуля. Трудный, но бесценный опыт, остающийся на всю жизнь. Именно он единит меня с молодёжью, так сказать, «усугубляет» на-

ше родство душ. Кроме того, романы пишутся не седидами, а душой. А душа всегда молода.

А теперь с кафедры немного пожившего и повидавшего – друзья, не бойтесь промахнуться! Ваш опыт – это ваш опыт. Он часть полноценной настоящей жизни. Будет что вспомнить, поделиться с близкими по духу людьми. Нельзя за кого-то попробовать вкус яблока, тем более яблоко жизни. Берегите здоровье и честь смолоду. Не пренебрегайте традициями отцов и дедов. В трудную минуту они будут рядом – помогут выстоять.

– Насколько важно для нынешнего поколения знать правду о войне? Есть ли у вас произведения о войне?

– Правда важна всегда и везде, и желательно на все сто. Молодёжь просто в силу возраста не может знать, что такое есть беспощадная правда о войне, а что такое есть художественный вымысел. Вот совсем недавно, накануне 70-летия освобождения узников нацистского концлагеря Освенцим советскими войсками, глава МИД Польши заявил, что Освенцим был освобождён украинцами. Своё заявление он мотивировал тем, что Освенцим был освобождён Украинским фронтом. Всё это так, но Украинский фронт составляли советские войска, в которых плечом к плечу воевали русские, украинцы, белорусы, татары, буряты, якуты, евреи и так далее и так далее – все нации Советского Союза воевали. Министр Польши умышленно так сказал, чтобы подыграть США и сегодняшней украинской власти,

которая утвердилась в Киеве с помощью вооружённого переворота. И самое неприятное, что при нашем недостаточном образовании какая-то часть молодёжи может поверить в эти бредни.

В СССР умалчивалась вся правда о бандеровцах, о том, что они сожгли Белорусскую Хатынь. Свалили их злодеяния на немцев. Боялись опорочить украинцев. Теперь задним числом говорим правду, а она не работает, то есть работает в каком-то смысле на варваров (ужасает и запугивает мирных жителей) – вот они какие, бандеровцы, они всех нас пожгут, и они уже тут как тут – жгут одесситов. Одним своим появлением делают заиками стариков, женщин и детей.

Сейчас КПРФ внесла предложение в Госдуму о возвращении Волгограду имени, которое благодаря Сталинградской битве стало синонимом величия советского солдата на весь мир. Я говорю о городе-герое Сталинграде, который в своё время был переименован Н.С. Хрущёвым. Мы по Крыму хорошо знаем, сколь далеко простирались тогда возможности Генсека КПСС. Были ссылки, что народ поддержал переименование. Конечно, это было неправдой. Да, народ не выходил на митинги, не протестовал, и молчание было расценено как согласие. Думаю, 70-летие Победы – достаточно серьёзный повод, чтобы взглянуть правде в глаза. Народ не молчал – народ безмолвствовал, а это далеко-далеко не одно и то же.

Хорошо помню приезд в нашу страну президента Франции де Голля. Его выступление, в котором он провозгласил тост за сталинградцев. Радостное оживление в народе, потому что сталинградцами себя считали не только жители Сталинграда, но и все, кто прошёл Сталинградскую битву. О, сколько потом было лекций штатных и нештатных лекторов, о том, что де Голль – демагог. Ярлыки в советское время приклеивались всем и всему, что не ложилось в прокрустово ложе советизма. Оттого и трудно защищать чисто советские достижения, которые конечно же были.

Георгий Иванович Куницын (один из преподавателей на ВЛК) любил сравнивать личности по их делам. Ленина и Сталина, Хрущёва и Брежнева. Когда коснулись Великой Отечественной войны, сравнил Власова и Зуева. Помнится удивление – кто такой Зуев? Войну встретил в звании члена Военного совета. Именно он как дивизионный комиссар рекомендовал Власова в командующие 2-й ударной армии. Когда в 1942 году они выходили из окружения и надломленный Власов сдался немцам (это всем известно), Зуев не сдался (они с Власовым были в одном звании – генерал-лейтенанты). Иван Васильевич Зуев с отрядом красноармейцев пробивался к своим. Когда они вышли из Мясного Бора на железную дорогу, кто-то из *власовцев*, хотя ещё не было власовцев, сообщил немцам о генерале Зуеве (кстати, обычная козлиная гримаса любой зашоренной пропаганды, и не только советской). Немцы предлагали ему сдаться, но он отстреливался до последнего патрона, а последним – застрелился. Ему было тридцать пять лет.

В 1965 году пионерка Наташа Орлова нашла могилу Ивана Васильевича Зуева. Написала со слов очевидцев о его героическом поступке в местную газету. И так, шаг за шагом, пришлось признать, что 2-я ударная армия, попав в окружение и умирая с голоду, продолжала воевать. Когда поисковики Новгородчины вошли в Мясной Бор, они были потрясены – бор был усеян скелетами наших солдат. Очень, очень малая часть красноармейцев сдалась немцам. Остальные «власовцы» либо полегли в лесу, либо вышли из окружения.

В 1988 году армянский писатель Серо Ханзадян, всю войну провоевавший на передовой, выступая перед новгородцами, сказал, что когда он узнал о боях и стоянии русского солдата в Мясном Бору, сдержавшим захват Ленинграда, то подумал, что Мясной Бор – это новое название леса. И как же он был удивлён, что этот лес носит своё название Мясной испокон, как и Великий Новгород. Однако

тень Власова легла на всех погибших бойцов. Вот почему нужна правда о войне всегда и везде, и желательно на все сто.

У меня есть рассказы о войне. Но я не воевал, это отзвук войны в моём сердце. «День Победы», «Похоронка», «День возвращения» – всего три рассказа. В них воздух жизни, которым мы дышали после войны.

– Вы начали публиковаться ещё в советское время. Как изменилась ваша читательская аудитория за последние 30 – 40 лет? А ваши читатели изменились?

– Когда у художника, то есть писателя, живописца, музыканта, есть своя аудитория, то такой художник неминуемо переживёт своё время. И позаботится об этом прежде всего аудитория (люди нашего поколения). Через художника, через его творения, словно через волшебную дверь они шагнут в будущее. Потому что в таких аудиториях папы и мамы, а потом они же – дедушки и бабушки передают детям свои увлечения произведениями литературы, живописи, музыки и так далее. И – как говорил Михаил Сергеевич Горбачёв в пору всеобщей гласности – процесс пошёл.

Иметь свою аудиторию – это великое дело. Без аудитории нет признания. Да, бывают случаи, когда автор и аудитория разлучены во времени. Но мы будем исходить из того, что аудитория есть, и попробуем понять – как она изменилась. И тут хочешь не хочешь, придётся говорить о себе.

Мы прожили на Алтае двадцать три года. С Алтая уходил в армию, в моря, участвовал в строительстве Алтайского коксохима. Искренне считал, точнее, чувствовал, что у меня есть своя аудитория. Во всяком случае, поэтические выступления с моим участием собирали полные залы. Мне даже ставили в вину, что плохие мои стихи в сравнении с хорошими стихами (у других поэтов) только по-

тому в выигрыше, что я их хорошо читаю. Мол, поэтому у всех других алтайских поэтов есть поэтические сборники, а у меня нет. Обидный аргумент, он как бы утверждал, что я не имею аудитории. Когда началось псевдодело Алтайской прокуратуры против меня, длившееся почти два года, мы с Галой (моей женой) вынуждены были гулять ночами, потому что алтайские писатели, издали узнавая нас, сворачивали куда-нибудь вбок, чтобы только не встречаться с нами.

И немудрено, на вопросы интеллигенции прокуратура неизменно отвечала – вы всего не знаете! Каких только ярлыков не навешивалось на меня. Намекалось, учитывая моё морское прошлое, что я чуть ли не пытался остаться за рубежом.

Это очень унижительно, когда люди избегают тебя. Именно тогда по-настоящему вновь задумался – есть ли у меня аудитория. Всё говорило, что её нет и не может быть.

И тут Алтайское книжное издательство выпустило мою книгу повестей «Новый круг». Тогда в моде была так называемая производственная проза, и в книге я опубликовал повесть «Шаг Владимира Агапова, или Новый круг» о подрядной бригаде строителей. Книга во всех отношениях была *страшненькой*, особенно внешне. Какой-то перекошенной и половинчатой. Она как бы говорила – вот подлинное лицо молодого писателя Виктора Слипечука.

В общем, книга меня не обрадовала. На её форзаце моим почерком утверждается: «Посвящается Маме». Хоть бы веточку какую-нибудь соорудили. Гала меня успокаивала: «Не переживай, книгу никто покупать не будет, и её со временем отправят в макулатуру. Даже, как Гоголю, её не придётся скупать». (Имелось в виду, что свою первую книгу Гоголь скупал, считая её очень слабой.) «Очень-очень жаль, – вторил я ей, – а то хотя бы этим был подобен Гоголю».

И тут произошло невозможное – моя книга «Новый круг» ти-

ражом 30 тысяч разошлась в течение трёх дней. Оказывается, у меня была аудитория. И эта аудитория по-своему объясняла, почему книга вышла в свет такой страшненькой.

Есть ли у меня аудитория сейчас, не знаю. Ныне в моде музыканты. Когда читаешь программу имажинистов (опубликована в шеститомнике Сергея Есенина), где они присваивают места революционной литературе и искусству. Музыканты у имажинистов получают последнее место, потому что они даже до футуризма не дошли. Видите, как всё меняется. Современные авторы становятся кумирами, потому что сами пишут стихи, сочиняют музыку и исполняют. Они весьма последовательно исповедуют своим творчеством синергетический реализм. Хорошо это или плохо? Время покажет, время – неподкупный судья.

Московская международная книжная выставка-ярмарка, сентябрь 2014г.

– Писатели, как правило, – люди, тонко чувствующие других людей, их настроение, переживание и т.д. Можно сказать, что писатель – барометр общества. Вы могли бы сказать, что сейчас происходит с нашим обществом? И что будет происходить дальше?

– Нужно быть очень смелым, чтобы отвечать на этот вопрос. Впрочем, учитывая его злободневность, возьму на себя такую смелость. Однако замечу, что от среднего обывателя (в моём понимании – гражданина, к которому причисляю себя) практически ничего не зависит.

Мы, как и во времена Иосифа Виссарионовича Сталина, – винтики, шурупы. Если кто-то думает, что это время безвозвратно ушло, напомним: совсем недавно главный идеолог Кремля заявлял во всеуслышание, что у нас есть идеология *суверенной демократии*. При этом в кулуарах власти, среди своих единомышленников, он, не стесняясь, называл депутатов Госдумы не иначе как кнопками (голосование в Думе производится нажатием на кнопку).

Неприятно сознавать, что наши избранники, депутаты ГД, – кнопки. Если наши избранники – кнопки, то мы, простые обыватели, граждане, тогда вообще никто и звать нас никак. Но, может быть, этого циника из высшего эшелона власти именно за его цинизм и «ушли» из идеологов?! Впрочем, все эти бывшие, словно грачи, как их ни сгоняй, покружат-покружат возле дерева власти, а потом садятся сверху и опять занимают самые престижные места. Сверху-то оно сподручней.

Впрочем, отношение к обывателю и со стороны оппозиции ничем не лучше. И когда она во власти. И когда она, грубо говоря, *бомжует*. И что бросается в глаза: когда она властвует – то против революции и революционных настроений. Когда *бомжует* – прилагает все силы для создания революционной ситуации.

Мне искренне жаль погибшего Бориса Немцова. Хотя никогда не считал его вождём оппозиции. Из его последнего интервью на «Эхе Москвы» явствует, что он очень хотел, чтобы на шествие антикризисной оппозиции вышло как можно больше народу. Желательно сто тысяч. И не важно, каких взглядов придерживается тот или иной обыватель. По сути, имелись в виду всё те же сто тысяч винтиков. Пусть с разной резьбой и даже *с резьбой*, противоположной заявленным лозунгам, но чтобы в определённое время, все вместе, в Марьино. И тогда власть испытает шок. Словом, и здесь количество винтиков первостепенно, а несовпадение резьбы – это несущественно.

Невольно приходит мысль, что потом, когда грянет революция, они нужную резьбу нам по живому нарежут ? Как нарезали её в Киеве на майдане и в Одессе в Доме профсоюзов?! Я категорически против революций и против режиссёров, режиссирующих революционную ситуацию. В своей книге «Восторг и горечь» уже говорил, что фундаментальные программы страны всей своей сутью требуют фундаментальную фигуру в структуре власти. Такой фигурой мог бы быть монарх. А сутью властных структур – народная монархия. И в то же время я против того, чтобы в Конституцию России можно было даже её Гаранту входить, как к себе на кухню, и менять в ней конституционные положения без народного референдума.

Гарантом Конституции у нас в России может быть только царь. Мы, россияне, так устроены, наш народ нуждается в царе. Стоило Путину вернуть Крым, и народ ожил.

Надо всегда помнить, что душу народа убивают не бедствия, а унижения. Унижаясь, хорошо питаться, хорошо одеваться – это не про нас. В моём понимании, сейчас в стране идёт противостояние между теми, кто готов унижаться *за ради* материальных благ, и кто готов бедствовать, но сохранить свою живую душу. И такое противостояние уже бывало в истории нашей страны. Великий святой России Серафим Саровский говорил, обращаясь к каждому из нас: спасись сам, и возле тебя спасутся десятки. Россия за свою более чем тысячелетнюю историю проходила и через более серьёзные испытания. И как поётся в песне: «И только твёрже выходила из огня...»

Вот что происходит сейчас и будет происходить в будущем – так я думаю.

03.03.2015

Интервью провели Екатерина Власова
и Татьяна Белоножкина